

И.Д. Лошкарёв©

I.D. Loshkarev

Изменение политики США в Центральной и Восточной Европе

**The modification of the US policy
in Central and Eastern Europe**

DOI: 10.31249/ape/2019.01.08

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки формирования и основные элементы польской инициативы «Трехморья» в контексте возможной ответной реакции США. Анализируются базовые принципы политики Д. Трампа в отношении региона Центральной и Восточной Европы и оценивается вероятность их воплощения в конкретные политические шаги. Автор приходит к выводу, что наиболее вероятное благожелательно-нейтральное отношение США к инициативе «Трехморья», скорее всего, не станет залогом ее полноценной реализации, но поможет сохранить ее «на плаву».

Abstract. The article examines the prerequisites for the formation of the Polish Three Seas Initiative and its main elements in the context of a possible US reaction to this project. The basic principles of D. Trump's policy regarding the region of Central and Eastern Europe and its possible embodiment in concrete political steps are analyzed. The author comes to the conclusion that the most likely scenario of favorable-neutral attitude of the US to Three Seas Initiative probably does not lead to its full implementation, but enables the Initiative for further development.

Ключевые слова: «Трехморье», Польша, Трамп, доктрина Трампа, региональное лидерство.

Keywords: Three Seas Initiative, Poland, Trump, Trump Doctrine, regional leadership.

Борьба за конкретные очертания будущего мирового порядка продолжается, и исход ее пока не ясен. Тем самым для лиц, принимающих решения, создаются дополнительные факторы неопределенности. Но для многих государств неопределенность, существующая на глобальном уровне, не особенно значима или находится в пределах статистической погрешности, поскольку большое значение приобретают или уже приобрели региональные процессы. На уровне регионов также идет борьба за лидерство, которая, впрочем, тоже вписывается в расширенный глобальный контекст. В этой связи показательны отношения, складывающиеся между Польшей, желающей занять место регионального лидера Центральной и Восточной Европы, и США, которые в эпоху президента Д. Трампа с переменным успехом ищут оптимальную для себя конфигурацию мирового порядка.

Как известно, после вступления Польши в ЕС у власти поочередно находились партии «правицы» (правых сил) (2005–2007, с 2015 г.) и правоцентристов-либералов (2007–2015). Стратегически и те и другие проводили курс, направленный на то, чтобы сделать Польшу одним из региональных лидеров, хотя расходились в тактических вопросах. Либеральная «Гражданская платформа» (как и партии «левицы» (левых сил), потерявшие популярность) основной акцент делала на европейской идентичности Польши, на необходимости углубления интеграции, формирования партнерских отношений с ключевыми странами ЕС – Францией и Германией (отсюда большое внимание к формату «Веймарского треугольника»). Напротив, консервативная «Право и справедливость» (ПиС) настаивала на приоритете национальных интересов и на формировании партнерства в рамках Вышеградской группы [Лыкошина, 2013]. Иными словами, в 2005–2015 гг. доминирующие польские партии предлагали обеспечить региональное лидерство Польши либо посредством отношений с другими крупными региональными игроками, либо посредством создания «группы поддержки» в Центральной и Восточной Европе.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы установить, как соотносятся текущие польские инициативы по продвижению собственного регионального лидерства в Центральной и Восточ-

ной Европе с внешнеполитической повесткой дня и базовыми принципами внешней политики США при президенте Дональде Трампе.

Основные характеристики инициативы «Трехморья»

Возвращение партии «Право и справедливость» к власти в 2015 г. обусловило определенный пересмотр региональных амбиций Польши. Акцент на национальных интересах и необходимости сдерживать европейскую интеграцию сохранился. В 2014 г. Ярослав Качиньский, который остается «серым кардиналом» польской политики, выразился по этому поводу весьма прямолинейно: «Необходимо делать все, чтобы Польша стала тем, чем сейчас является Турция, о которой говорят, что это серьезное государство» [Wanat, 2018]. Тем не менее во внешнеполитическом мышлении «правящей» за годы оппозиции появилось немало новых идей.

Во-первых, произошел постепенный отход от идей Е. Гедройца и Ю. Мерошевского: польские правые постепенно стали хотя бы частично разделять собственно Восточную Европу и часть постсоветского пространства (Молдова, Украина, Беларусь, Закавказье), о котором в Польше нередко размышляют в логике Ю. Пилсудского¹. Отчасти это было вызвано стремлением противопоставить свою позицию концепции «Новой Восточной Европы», которую разрабатывали польские либералы, близкие к «Гражданской платформе» [Najder, 2010].

Во-вторых, «Право и справедливость» модернизировала идейные основания проектов региональной консолидации. Традиционно подобные проекты обосновывались популярными в посткоммунистических странах геополитическими концепциями, наличием неизменной угрозы со стороны России и (или) определенными вызовами, которые связаны с политической линией наднациональных органов ЕС. Однако новое поколение в руководстве ПиС (прежде всего советник президента по внешнеполи-

¹ Речь идет о концепции прометеизма, согласно которой помощь национальному (а в современной терминологии – демократическому) развитию государств, соседствующих с Россией, будет способствовать ослаблению последней.

тической проблематике К. Шчерский) пришло к выводу, что политические проекты следует хотя бы формально вписывать в общеевропейский интеграционный контекст и придавать им преимущественно экономическую форму.

Именно такими причинами обусловлено появление инициативы «Трехморья» («Three Seas Initiative», или ABC – по названиям Адриатического, Балтийского и Черного¹ морей). Напомним, что данная инициатива была запущена на саммите лидеров 12 государств² в Дубровнике 26 августа 2016 г.: стороны договорились о сотрудничестве в области инфраструктуры, транспорта, а также о создании более благоприятных условий для ведения бизнеса в целях укрепления евроинтеграции. Уже само название инициативы говорит об отказе от прежних польских концепций структурирования Восточной Европы. Вышеупомянутый К. Шчерский в интервью журналистам месячника «Niezależna Gazeta Polska» отмечал: «Для сотрудничества, о котором мы говорим сегодня, мы целенаправленно используем понятие “Трехморье” для того, чтобы с самого начала не включать это сотрудничество в историко-геополитический контекст концепции “Междуморья”»³ [Inicjatywa Trójmorza., 2017].

Однако о подобной трактовке инициативы «Трехморья» можно было бы говорить, если бы не существовало другого (и пока более могущественного) крыла в партии «Право и справедливость». О том, что экономику не следует рассматривать в отрыве от вопросов безопасности, напомнил, например, глава МИД Польши В. Вашиковский в своем выступлении перед сеймом в 2017 г. Он отметил, что инициатива «Трехморья» позволит Варшаве ощутить «комфорт безопасности» [Waszczykowski, 2017]. Именно поэтому инициатива «Трехморья» нередко увязывается с форматом

¹ В польском языке слово «черный» (czarny) начинается с буквы «с».

² Австрия, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Эстония.

³ «Междуморье» – геополитическая концепция, приписываемая Ю. Пилсудскому.

региональных консультаций по проблемам безопасности, запущенным в 2015 г., – так называемой «Бухарестской девяткой»¹.

Сомнения относительно экономического характера данной инициативы вызывает и то, что внешнеторговое и инвестиционное партнерство ее участников пока еще недостаточно развито. Например, в экспорте и импорте Польши из стран «Трехморья» заметное место занимают только партнеры по «Вышеградской четверке» – Чехия, Венгрия, Словакия (2–5%). Доля Хорватии, Словении, Болгарии, Эстонии, Латвии в экспорте и импорте Польши не превышает 1%. Источником инвестиций в Польшу остаются западноевропейские страны, а польские инвестиции направляются в соседние страны ЕС и СНГ, что свидетельствует об отсутствии серьезного инвестиционного сотрудничества с большинством стран «Трехморья» [Габарта, 2016, с. 99–100, 104–105].

Необходимо отметить, что в представлениях польской элиты значительную роль играют различные версии идей «Междуморья», подразумевающие необходимость организации пространства между Германией и Россией с целью политического сдерживания этих государств [Nysz, 2017], для чего требуется два «очевидных» условия: во-первых, лидерство Польши, во-вторых, максимально широкий географический охват. Распространение таких взглядов связано с историческими особенностями развития Польши, в частности с польско-литовской унией (1569), в результате которой возникла Речь Посполитая, одно из крупнейших государств Восточной Европы в XVI–XVII вв. В настоящее время популярность идей «Междуморья» вызвана опасениями чрезмерного усиления в рамках Евросоюза тандема Франции и Германии: в Польше считают, что поскольку этот тандем основное внимание уделяет глобальным проблемам, – например, конфликтам на Ближнем Востоке, стабилизации в Ираке и Косово, – то проблемы, волнующие Польшу и ее соседей, не представлены должным образом в повестке дня ЕС. Именно на таких убеждениях основано противопоставление «старого ЕС» и его новых членов, которым «сама логика ис-

¹ Из 12 стран «Трехморья» в «Бухарестскую девятку» не входят Австрия, Словения и Хорватия.

тории» велит консолидироваться под руководством Варшавы [Potulski, 2017, s. 6–7, 14].

Несмотря на то что инициатива «Трехморья» как проект «мягкого» польского регионального лидерства стала важным элементом внешней политики Варшавы, на пути ее продвижения существует несколько трудноразрешимых проблем. Во-первых, эту инициативу необходимо как-то вписать в европейский и евроатлантический контекст, что непросто сделать из-за значительных политических расхождений стран-участниц. Например, страны «Трехморья» не имеют общей точки зрения в отношении России и ее мнимых и явных действий на Украине: Словакия и Венгрия занимают умеренно-конструктивную позицию, Польша и страны Прибалтики – агрессивно-осуждающую. Во-вторых, наличие разногласий между участниками «Трехморья», по сути, вообще ставит под вопрос будущее сотрудничество в данном формате. Наиболее ярко это проявилось при обсуждении перспектив превращения «Трехморья» из форума в полноценную организацию: польская инициатива о создании постоянного секретариата нового объединения не нашла поддержки. Наконец, в-третьих, запланированные инфраструктурные проекты «Трехморья» нуждаются в финансировании, а его наиболее вероятным источником остаются европейские структурные фонды [W zwarciu., 2017, s. 10–12]. Однако в пятом финансовом плане Европейского союза (2014–2020) средства на подобные проекты не заложены, а значит, их можно провести только через годовые бюджеты ЕС, что потребует одобрения нетто-вкладчиков в европейский бюджет, прежде всего Германии. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: инициатива «Трехморья» позиционируется как механизм для укрепления суверенности Польши и изменения расстановки сил в Европе, но проведение конкретных мероприятий в рамках данной инициативы зависит от внешних игроков, в том числе настроенных к ней недружественно.

Поиск внешнего игрока, который благосклонно воспринял бы польские амбиции в Центральной и Восточной Европе и имел бы достаточно ресурсов для поддержки инфраструктурных проектов «Трехморья», неизбежно приводит к мысли о вовлечении в

этот проект США. Получение американской финансовой помощи и инвестиций представляется польским политикам разумным шагом по следующим причинам.

Во-первых, в среднесрочной перспективе – особенно после выхода Великобритании из состава ЕС – значение Варшавы как лояльного союзника США возрастет.

Во-вторых, в инициативу «Трехморья» включены проекты, связанные с укреплением энергетической безопасности региона. Польша и Хорватия планируют соединить трубопроводом польский СПГ-терминал в Свиноуйсьце на побережье Балтийского моря и СПГ-терминал на хорватском острове Крк, чтобы тем самым обеспечить поставки газа в Центральную и Восточную Европу из потенциальных источников – США и стран Аравийского полуострова. Тема энергетической безопасности в Европе традиционно волнует американских неоконсерваторов, полагающих, что Москва может недобросовестно использовать свои преимущества, связанные с поставками газа из России в Европу.

Наконец, в-третьих, Польша предполагает, что сможет подтолкнуть Вашингтон к необходимым решениям через американцев польского происхождения. Польская диаспора в США насчитывает около 10 млн человек, проживающих преимущественно в штатах «Ржавого пояса» (Пенсильвания, Огайо, Мичиган, Иллинойс), т.е. в тех областях, которые стали полем решющей борьбы между демократами и республиканцами [Лошкарёв, 2017, с. 241–245].

При традиционной республиканской администрации этих соображений вкупе с апелляцией к неослабевающей российской угрозе было бы более чем достаточно для того, чтобы США материально и политически поддержали инициативу «Трехморья». Однако администрацию Д. Трампа сложно назвать «традиционной» для США, так что в настоящее время не так просто предугадать ответную реакцию Вашингтона.

Доктрина Трампа и возможные судьбы «Трехморья»

Попытка реконструировать «доктрину Трампа» – комплекс устойчивых представлений о мире и роли Америки в нем – непро-

стая задача для исследователя. Позиции нынешнего президента США по основным вопросам внешней политики довольно гибки и подвержены значительным трансформациям. Одна из наиболее частых фраз президента: «Посмотрим, что будет» (we'll see what happens), – свидетельствует о том, что Трамп предпочитает тактическое планирование и инкрементализм (поиск быстрого решения проблем по мере их поступления)¹.

Тем не менее можно попытаться выделить несколько базовых принципов, которых нынешний президент США старается придерживаться. Бывший председатель палаты представителей Конгресса США Н. Гингрич, один из близких соратников и неформальный советник президента, отмечал, что для Д. Трампа характерны: неприятие политической корректности; неприятие прогрессивно-либеральной идеологии; стремление к поиску новых (немейнстримных) решений; американский патриотизм [Gingrich, 2017, p. 24-39].

Эти принципы можно переформулировать так:

- «экономический национализм»: акцент на торговых отношениях и торговом профиците;
- стремление снизить роль внешнеполитической бюрократии и экспертного сообщества в процессе принятия решений;
- стремление противопоставить текущий политический курс прежней политике Б. Обамы и нынешней позиции Демократической партии по конкретным проблемам;
- выбор значительных и понятных избирателю целей для внешнеполитической деятельности.

Как отмечает известный американский аналитик У.Р. Мид, подобные принципы означают, что Д. Трамп рассматривает США, как национальное государство, которое прежде всего преследует свои экономические интересы и в гораздо меньшей степени озабочено вопросом распространения своих ценностей. В данном случае речь идет не об отказе от глобального лидерства, а о стремлении сделать это лидерство менее затратным. Таким образом,

¹ Этот термин в отношении Трампа активно применял бывший директор Белого дома по коммуникациям Э. Скарамуччи.

главная задача Америки, – не ввязываясь во все спорные ситуации в мире, сохранить свою идентичность и выстроить новую социальную модель, обеспечивающую лидерству США прочные основания – «мир через силу» [Mead, 2017, p. 2–4].

Как вышеперечисленные характеристики условной «доктрины Трампа» влияют на его отношение к инициативе «Трехморья»? Приходится признать, что наложение данных принципов и установок на центральноевропейскую политическую ситуацию не помогает получить четкие ответы на этот вопрос.

Такие элементы «доктрины Трампа», как стремление выбирать значительные и понятные американскому избирателю внешнеполитические цели, а также его настороженное отношение к сторонникам традиционной атлантической повестки дня подразумевают умеренно-негативное или неопределенное отношение Вашингтона к региональным амбициям Польши, в том числе к проекту «Трехморья». В пользу подобного предположения свидетельствует, в частности, текст Стратегии национальной безопасности 2017 г., в подготовке которого, по некоторым сведениям, Д. Трамп принимал личное участие. Во-первых, в списке региональных досье в Стратегии безопасности Европа находится на втором месте после Южной и Восточной Азии. Чаще всего в ней упоминаются Китай (33 раза), Россия (25 раз), Иран и Северная Корея (по 17 раз), Индия (9 раз), Пакистан (8 раз). Во-вторых, в европейском досье, как и во всем документе, Польша ни разу не упоминается отдельно – в отличие от Стратегии 2015 г. Наконец, в-третьих, приоритеты Стратегии 2017 г. на европейском направлении, по сути, сформулированы в духе предвыборных выступлений Трампа – «честная торговля», «честная доля во взносах в НАТО», «борьба с угрозой КНДР и Ирана» [National security., 2017]. Тем самым в документе зафиксировано нежелание Вашингтона расширять повестку дня по европейской проблематике, в том числе по вопросу польских региональных инфраструктурно-политических проектов.

Однако, если принять во внимание стремление Д. Трампа максимально дистанцироваться от политического наследия Б. Обамы, можно предположить, что США постараются избрать

несколько иной курс и на центральноевропейском направлении. Хорошо известно, что Б. Обама не смог установить полноценные контакты с правительством партии «Право и справедливость», а его администрация активно критиковала Варшаву за спорные политические реформы (в отношении Конституционного суда, регулирования СМИ). Напротив, у нынешнего президента США, как и польского руководства, сложились довольно натянутые отношения с крупнейшими функционерами ЕС – Францией, Германией, Великобританией. Тем самым сама логика этих взаимоотношений подталкивает Д. Трампа к тактическим шагам, направленным на углубление раскола между членами Европейского союза.

Именно так можно объяснить благожелательно-нейтральное отношение Д. Трампа к инициативе «Трехморья», которое он выразил в ходе своего визита в Варшаву в июле 2017 г. Д. Трамп принял участие в саммите лидеров «Трехморья» и выступил на Площади Красиньских в Варшаве с пространной речью, в которой, в частности, указал на особую роль Польши в регионе [Kiwerska, 2017, s. 44–45]. Сравнивая прием, оказанный Трампу в Варшаве, со сдержанно-враждебными по тональности речами, прозвучавшими в Гамбурге (на саммите «Большой двадцатки»), аналитик Фонда «Наследие» Х. Дейл подметила: «Какое отчетливое указание на наличие двух разных Европ – и вполне очевидно, в какой из них находятся настоящие союзники Соединенных Штатов!» [Dale, 2017].

В пользу благожелательно-нейтрального отношения администрации Трампа к региональным планам Польши свидетельствуют также некоторые экономические показатели. В частности, отмечается небольшой профицит в торговле США и Польши – 261 млн долл. за девять первых месяцев 2017 г. [Handel., 2017, s. 70]. Как известно, президент США уделяет большое внимание вопросам торговли и даже от ближайших союзников требует «честных сделок», т.е. сокращения торгового дефицита. Аналогичным образом Польша выполняет также и требование президента США по поводу взносов в НАТО: взнос Польши превышает положенные 2% от ВВП. Кроме того, укреплению переговорных позиций Варшавы способствуют ее планы по модернизации и переоснащению воо-

руженных сил: Польша планирует купить у корпорации «Raytheon» 8 ПЗРК «Патриот» на сумму в 7,6 млрд долл., а также подписала менее крупные контракты с другими компаниями, например с «Боингом» [Kelly, 2017].

Очевидно, что восточноевропейское досье не находится в числе приоритетных для администрации Д. Трампа, поэтому, чтобы подтолкнуть Вашингтон к более активной поддержке инициативы «Трехморья», могут потребоваться дополнительные стимулы. В числе таковых можно выделить:

- активное продвижение инфраструктурных инициатив в Восточной Европе со стороны «ястребов» в президентской администрации, симпатизирующих польским консерваторам (госсекретарь М. Помпео, советник по национальной безопасности Д. Болтон, советник президента С. Миллер, бывший помощник советника по национальной безопасности С. Горка);

- усиление конфронтации США и России, связанное, в том числе, с ненамеренными инцидентами при патрулировании акватории Балтийского моря с участием авиации и флота, а также увеличением присутствия США в Черном море;

- накопленная бюрократическая инерция по исполнению многочисленных решений саммитов НАТО и Конгресса США по укреплению энергетической безопасности Восточной Европы;

- очевидные неудачи президентской администрации Д. Трампа на других направлениях.

Отдельно следует упомянуть деятельность польской диаспоры в США, продвигающей интересы Польши. Долгое время представители диаспоры никак не комментировали инициативу «Трехморья» – отчасти из-за отсутствия дополнительной информации, отчасти из-за скандалов по поводу политических преобразований в самой Польше. Тем не менее известно, что у Д. Трампа особенные отношения с польской диаспорой: за последние 20 лет он был единственным, кто в качестве кандидата в президенты провел встречу с лидерами польской общины. 28 сентября 2016 г. в Чикаго на встрече с лидерами Конгресса Американской Полонии (КАП) и активом диаспоральных организаций Д. Трамп дал обещание добиться включения Польши в программу краткосрочного

безвизового въезда [Donald Trump spotkał., 2016]. Однако это обещание пока не выполнено в связи со сложным процессом обсуждения всеобъемлющей иммиграционной реформы.

Тем не менее поскольку организации польской диаспоры (и некоторых других восточноевропейских диаспор) осознают сложности, связанные с иммиграционной реформой, обсуждение инициативы «Трехморья» вполне может заменить иммиграционную проблематику. Об этом косвенно свидетельствует открытое письмо главы Конгресса Американской Полонии – крупнейшей диаспоральной организации – президенту Польши А. Дуде. Лидер КАП подчеркнул, что вся организация будет содействовать тому, чтобы инициатива «Трехморья» увенчалась успехом [Letter of support., 2018].

Д. Трамп уже объявил о начале своей избирательной кампании для участия в следующих президентских выборах, так что значимость мнения польской диаспоры в какой-то мере будет обсуждаться в кругу его советников. В 2016 г., по ориентировочным подсчетам, за республиканского кандидата проголосовало около 40% представителей польской диаспоры, что дало Трампу около 500–600 тыс. голосов в критически важных штатах (Пенсильвания, Огайо, Висконсин, Мичиган) [Flaxman, 2016].

Тем не менее в настоящее время нельзя исключать, что существующая амбивалентность и невыраженность политики США в отношении региональных амбиций Польши, и в частности инициативы «Трехморья», сохранится. Причинами этого могут быть: во-первых, перенасыщение внутривнутриполитической повестки дня в США (реформы налоговой и иммиграционной систем, здравоохранения, расследование комиссии Р. Мюллера по поводу «российского вмешательства», осенние выборы в Конгресс); во-вторых, необходимость долгосрочного планирования и серьезной проработки деталей в случае привлечения США к участию в инициативе «Трехморья», что не слишком привлекает Д. Трампа как инкременталиста. И, наконец, в-третьих, можно предположить, что у президента США все еще сохраняется желание «поладить с Россией», хотя реализовать его на практике практически невозможно.

Заключение

Без явно выраженной поддержки США инициатива «Трехморья» рискует остаться одним из многочисленных форматов региональных консультаций. В то же время уже само появление этой инициативы свидетельствует об определенном структурировании политического пространства Центральной и Восточной Европы, о появлении условного ядра (Вышеградской группы) и периферии (к которой относятся, в частности, остальные участники вышеупомянутой «Бухарестской девятки»).

По мнению автора, из нескольких возможных сценариев политики нынешней президентской администрации США в отношении региональных амбиций Польши и проекта «Трехморья» наиболее вероятно сохранение благожелательной нейтральности с возможным эпизодическим выражением поддержки. С экономической точки зрения этого будет недостаточно для реализации амбициозных инфраструктурных проектов (например, строительства газопровода Хорватия–Польша). Тем не менее это не означает, что инициатива «Трехморья» не имеет никаких перспектив.

Во-первых, польская дипломатия в Центральной и Восточной Европе играет важную роль, способствует четкой артикуляции интересов центральноевропейских стран и предлагает стратегии коллективного действия, которые обеспечивают малым странам региона определенную свободу маневра [Офицеров-Бельский, 2015, с. 84]. Поэтому их заинтересованность в польских инициативах вряд ли исчезнет – особенно с учетом дальнейшего укрепления позиций Германии в рамках ЕС.

Во-вторых, Польша способна использовать благожелательное (пусть даже высказываемое не слишком часто) отношение США к проекту «Трехморья». Если отношения США и ЕС будут по-прежнему ухудшаться, Варшава может попытаться предложить Брюсселю «перекупить» проект, вложить в него средства, чтобы частично нейтрализовать американское влияние в регионе.

Таким образом, хотя инициатива «Трехморья» пока находится на периферии американской внешнеполитической повестки дня, в среднесрочной и долгосрочной перспективе это вполне может измениться – либо благодаря влиянию внутривосточных

факторов в США, либо в силу собственной региональной динамики в Центральной и Восточной Европе.

Список литературы

Габарта А.А. Особенности внешнеторговой и инвестиционной политики Польши // Современная Европа / РАН. ИЕ. – М., 2016. – № 6 (72). – С. 97–106.

Лошкарёв И.Д. Ресурсы влияния польской диаспоры в США на американскую внешнюю политику // Вестник МГИМО (У). – М., 2017. – № 3 (54). – С. 238–248.

Лыкошина Л.С. Польша в Европейском союзе // Внешняя политика стран Восточной Европы в первом десятилетии XX столетия / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – С. 28–50.

Офицеров-Бельский Д.В. Вышеградское сотрудничество: Поиск новых форм на фоне украинского кризиса // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. – М., 2015. – № 3. – С. 76–85.

Dale H.C. Trump's foreign trip tells a tale of two Europes / Heritage Foundation. – Wash., D.C., 2017. – 07.07. – Mode of access: <https://www.heritage.org/europe/commentary/trumps-foreign-trip-tells-tale-two-europes> (Дата обращения – 28.07.2018).

Donald Trump spotkał się z Kongresem Polonii Amerykańskiej i Polonią // Dziennik Związkowy. – Chicago, IL, 2016. – 02.10. – Mode of access: <http://dziennikzwiązkowy.com/polonia/donald-trump-spotkal-sie-z-kongresem-polonii-amerykanskiej-i-polonia-2/> (Дата обращения – 28.07.2018).

Flaxman S. New questions, new answers? A preliminary micro-level statistical analysis of the 2016 US presidential election // Medium. – San Francisco, CA, 2016. – 11.11. – Mode of access: https://medium.com/@flaxter_85271/new-questions-new-answers-22a103ff2811 (Дата обращения – 28.07.2018).

Gingrich N. Understanding Trump. – N.Y.; Nashville, TN: Hachette Book Group, 2017. – 368 p.

Handel zagraniczny: I-IX 2017 r. / Departament handlu i usług. – Warszawa, 2017. – Grudzień. – 160 s. – Mode of access: <https://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/ceny-handel/handel/handel-zagraniczny-i-ix-2017-r-,5,14.html> (Дата обращения – 28.07.2018).

Inicjatywa Trójmorza wyrosła wprost z potrzeb regionu: Geopolityczny projekt tematem Kongresu 590. – Warszawa, 2017. – 16.11. – Mode of access: <http://niezalezna.pl/208856-inicjatywa-trojmorza-wyrosla-wprost-z-potrzeb-regionu-geopolityczny-projekt-tematem-kongresu-590> (Дата обращения – 28.07.2018).

Kelly L. Poland expects to ink \$7.6 billion deal for Patriot systems by end-2017 // Reuters. – Warszawa, 2017. – 31.03. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-poland-defence-raytheon-patriots/poland-expects-to-ink-7-6-billion-deal-for-patriot-systems-by-end-2017-idUSKBN1720X3> (Дата обращения – 28.07.2018).

Kiwierska J. Półrocze prezydentury Trumpa // Prezydentura Trumpa i układ transatlantycki / Instytut Zachodni. – Poznań, 2017. – N 20 (1). – S. 11-45.

Letter of support to Polish President Andrzej Duda / Polish American Congress. – Wash., D.C., 2018. – 12.02. – Mode of access: <http://www.pac1944.org/presoffice/2017-18/Let2PresDuda.180212.pdf> (Дата обращения – 28.07.2018).

Mead W.R. The Jacksonian revolt: American populism and the liberal order // Foreign affairs. – N.Y., 2017. – Vol. 96, Issue 2. – P. 2-7. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/usa/2017-01-20/jacksonian-revolt> (Дата обращения – 28.07.2018).

Najder Z. Doktryna ULB: Koncepcja Giedroycia i Mieroszewskiego w XXI wieku // Nova Europa Wschodnia. – Warszawa, 2010. – 07.02. – Mode of access: <http://www.new.org.pl/257-doktryna-ulb-koncepcja-giedroycia-i-mieroszewskiego-w-xxi-wieku> (Дата обращения – 28.07.2018).

National security strategy of the United States of America / The White House. – Wash., D.C., 2017. – December. – 56 p. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (Дата обращения – 28.07.2018).

Nycz G. Geopolityczny wymiar poszukiwań równowagi strategicznej i narzędzi odstraszenia w polityce bezpieczeństwa USA w XXI wieku // Przegląd geopolityczny. – Warszawa, 2017. – N 22. – S. 50-72.

Potulski J. Podstawowe polskie kody geopolityczne: Polska jako Międzymorze // Gdańskie studia międzynarodowe. – Gdańsk, 2017. – Vol 15, N 1/2. – S. 1-21.

Wanat E. Być jak Turcja // Wprost. – Warszawa, 2018. – 25.02. – Mode of access: <https://www.wprost.pl/tygodnik/10106776/byc-jak-turcja.html> (Дата обращения – 28.07.2018).

Waszczykowski W. Informacja Ministra Spraw Zagranicznych o zadaniach polskiej polityki zagranicznej w 2017 roku. – Warszawa, 2017. – 09.02. – Mode of access: https://msz.gov.pl/pl/ministerstwo/minister/archiwum_wystapien/informacja_ministra_spraw_zagranicznych_o_zadaniach_polskiej_polityki_zagranicznej_w_2017_roku (Дата обращения – 28.07.2018).

W zwarciu: Polityka europejska rządu PiS / Balcer A., Buras P., Gromadzki G., Smolar E. – Warszawa, 2017. – Wrzesień. – 38 s. – Mode of access: http://www.batory.org.pl/upload/files/pdf/W%20zwarciu%20-%20polityka%20europejska%20rządu%20PiS_raport%20Fundacji%20Batorego.pdf (Дата обращения – 28.07.2018).